

ШКОЛА САМОПОЗНАНИЯ

КРЕСЕНИЕ

Александр Александрович Шевцов

Кресение

Серия «Школа самопознания»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38975200

А. А. Шевцов. Кресение: Издательство «Роцца»; Иваново; 2018

ISBN 978-5-604026-16-8

Аннотация

Кресение – это способ очищения сознания. Является частью книги «Очищение в трех томах. Том 3. Русская народная психология». Кресение – понятие народное. При этом мы знаем, что обычный русский крестьянин хранил только то, что действительно было полезно и помогало жить лучше. Уже только поэтому кресение стоило бы изучить и овладеть им. Со многими психологическими проблемами мы не можем справиться годами. А всего-то нужно – оглянуться в свое прошлое и попытаться найти корень, момент, с которого ты незаметно для себя стал другим, жизнь перестала радовать, а дела – получаться. Вот это и есть суть кресения: освобождение от всего лишнего, того, из-за чего человек не так успешен в жизни, как хотел бы. Кресению автор книги учился у потомков скоморохов-офеней, которые его понимали как способ внутреннего перерождения. В книге подробно рассказывается какие бывают помехи в сознании

и как от них избавляться. Если вы готовы к самостоятельной прикладной работе над собой, эта книга для вас.

Содержание

Самое общее понятие о кресении	6
Раздел первый. Душевная беседа	15
Слой первый. Душа звучит	23
Глава 1. Чужая душа потемки	24
Глава 2. Кривизна души	32
Глава 3. Давление образов	38
Глава 4. Причем тут речь?	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Шевцов

Кресение

© Шевцов А. А.

© Издательство «Роща»

* * *

Самое общее понятие о кресении

Понятие об очищении у мазыков было общим с народным, о котором я постарался рассказать в предыдущих главах. Но в отношении очищения сознания оно было глубже и, я бы сказал, разработаннее. Совершенно определенно над ним думали и исследовали.

Общее название для всех видов очищения сознания было кресение. Впрочем, сами люди, у которых я вел свои этнографические сборы, иногда произносили его как крещение. Но это явно было следствием схожести звучания с православным обрядом крещения. Впрочем, возможно, сказывалось и то, что после крещения человек считается не только очистившимся от первородного греха, но и как бы заново родившимся. А кресение явно входит составной частью в понятие «воскресение», иначе говоря, может рассматриваться как средство внутреннего перерождения.

Сразу должен оговориться: я рассказываю о кресении как о средстве или способе очищения сознания. Но это я так понимал. Мазыки говорили не о сознании, а о Паре. По сути же, речь идет о той нетелесной среде в человеке, которая способна принимать в себя нечистоту, хранить ее и при определенных условиях освобождаться от нее, позволяя себя очищать. Поскольку большая часть того, от чего очищает кресение, для меня, как современного и вполне естественнонаучно на-

строенного человека, было связано с сознанием, как мысли и образы, например, я изначально привык считать, что кресление есть очищение сознания. К тому же, так проще его объяснить.

Однако, даже если для прикладной работы с другими людьми и есть смысл использовать те слова, которые им лучше помогут, поскольку понятны, мы сами должны сохранить осознание, что это не обязательно верно. Что, собственно говоря, дает обозначение предмета очищения Парой, при том, что на деле ты будешь видеть, что постоянно очищаешь сознание?

Такое обозначение даст возможность видеть, что предмет этот сложнее и, возможно, состоит из нескольких сред, которые сегодняшняя наука не различает. Но это не значит, что они не существуют. Сегодняшняя наука в действительности не различает даже разум и мышление, привычно путая и эти слова, и стоящие за ними понятия. Не значит же это, что мы должны дожидаться, когда она изменит свое мнение? Жизнь коротка, а возможность самопознания убывает вместе с нею.

Мазыки видели сознание, видели Пару, и видели Живу. Все это, если сказать своими словами, было для них тонкоматериальными средами, составляющими в человеке то, что обеспечивает его жизнь в теле, точнее даже, жизнь его Тела и жизнь его Души в этом теле. Все эти понятия можно отрицать, но если мы хотим понять народное мировоззрение,

мы должны разобраться в его мифологических воззрениях, а если нам надо понять, возможен ли такой способ очищения себя и своего сознания, как кресение, нам надо сделать допущение, что для этого надо понять мазыков. Надо понять их способ видеть мир и человека.

Иными словами, этот мой рассказ про устройство человека вполне можно рассматривать как мою гипотезу о том, как устроено то, что пытаются лечить психотерапевты. Гипотеза эта строится на наблюдениях за тем, как происходит психотерапевтическое очищение, а еще точнее, над тем, почему оно не всегда происходит. Вполне естественно, когда правильно примененная психотерапевтическая техника не работает, предположить, что ее исполнитель не учел чего-то в том, к кому ее применял. Но поскольку он применяет свои техники на основе естественнонаучного понимания человека, остается предположить, что именно это понимание неточно. Или, вернее, точно только в тех частях, в которых точно, но не учитывает еще какие-то составляющие этого сложного явления по имени человек.

Поэтому для тех ученых, которым трудно допустить, что народ знал об очищении больше современной науки, я излагаю свою гипотезу следующим образом: сегодня развитие психотерапии и прикладной психологии не достигло еще своего совершенства, и эти науки не в состоянии полноценно оказывать помощь людям именно потому, что ограничены в своем понимании человека. Кроме того, что они видят

носителем помех нечто, что именуют психикой, существует еще несколько тонкоматериальных сред, которые надо учитывать при психотерапевтической работе.

Средам этим могут быть даны вполне научные названия. Как психолог я бы называл их субпсихика и метапсихика. И еще квазипсихика. Как этнограф я называю их Сознанием, Парой и Живой. К тому же использую понятие Души. Мне так проще, да и моя русская душа эти имена принимает легче. Но при этом я не настаиваю на них и принимаю возможность использования любой терминологии. Главное: работает ли такое предположение, соответствует ли оно действительности.

Обо всех этих средах я буду так или иначе рассказывать дальше. Пока мне достаточно того, чтобы было понятно: мазыки видели душу и несколько тонкоматериальных сред вокруг нее и тела, и также видели сами содержания этих сред. Основное количество этих содержаний составляет наше мышление, но часть из них как раз и является тем, от чего надо очищаться. И не надо навешивать на эти мои слова ярлык какой-нибудь «экстрасенсорики» в современном смысле этого слова, которое ученые используют презрительно.

Очищение способствовало видению. И когда физик по фотографии из электронного микроскопа «видит» движение элементарной частицы, или математик «видит» «жар холодных чисел», они тоже экстрасенсы. И нейропсихолог – экстра-

сенс, когда заявляет, что видит «процессы головного мозга», глядя на движение цветных пятен, гуляющих по экрану какого-нибудь томографа.

Очищение способствует видению, и мазыки видели содержание тех сред, которые я считаю носителями загрязнений. Что значит «видели», и что это за «содержания», я пока не уточняю. Важно для меня лишь одно: как и ученые, которые используют какие-то внешние признаки происходящего в мозге человека для того, чтобы делать суждения о том, что в нем действительно происходит, мазыки с помощью своего видения судили о том, что происходит в сознании человека. И это позволяло им производить очищение сознания.

Возможно, их видение было не точнее, чем видение с помощью физических приборов. Все приборы и все человеческие способы видеть – лишь узкие замочные скважины, сквозь которые мы подглядываем за Действительностью. Они все почти не работают. Поэтому важно лишь то, как мы из подсмотренных кусочков создаем предположения об увиденном. Если на основе подобных наблюдений нам удастся сделать такое предположение, которое потом подтверждается действительностью, мы все равно не можем сказать, что видели. Мы вынуждены говорить о том, что смогли правильно понять увиденное...

Поэтому и подтверждением, и опровержением видения мазыков не может быть ни мое, ни научное мнение. Только проверка разработанных на основе этого видения способов

лечения и очищения может быть действительной оценкой. Поэтому, если ваша задача действительно понять, воздержитесь от преждевременных оценок. Они нужны лишь бойцам за интересы научного сообщества, но не искателям истины.

Итак, сред, в которых содержалось то, что является предметом очищения, было несколько, к тому же, они находились между собой в определенном взаимодействии. И я не знаю, могли ли загрязняться Жива и Душа. Но определенно вижу, что многие содержания Сознания и Пары оцениваю как нечистоту или помехи моей жизни. Это первое, что надо понять про Кресение и разобрать подробнее.

Кроме того, надо понять, что считалось способами очищения этих сред.

Вкратце могу сказать, что основным способом считалось исповедание. Но это был не единственный способ, потому что использовались и способы безмолвные, вроде записывания своих болезней. И способы колдовские, как передача болезни предмету или стихии – воде, земле, огню, воздуху.

Скажу сразу, я не буду в этой книге говорить об очищении стихиями. Поскольку я не в состоянии их исследовать по-настоящему, то ограничусь лишь тем, что и делает в отношении всех подобных способов целительства наука: скажу, что все они работают за счет психотерапевтического эффекта самого представления о подобном очищении.

Иначе говоря: ты можешь вырыть ямку в земле и выкрик-

нуть туда свою тайну или боль, и это поможет. Но это самобман! Или самовнушение.

Поэтому желающие могут почитать этнографию и выбрать оттуда любое количество народных психотерапевтических средств – они все помогают, но ненаучны. К сожалению, наука смогла объяснить лишь то, что это суггестия или внушение, но до сих пор не объяснила, что такое внушение, как оно работает и почему помогает. И я тоже не могу это объяснить вот так сходу. Для того, чтобы сделать это, мне надо провести хорошее исследование, которое невозможно без вот этих книг об очищении, которые я сейчас пишу.

Поэтому я наверняка однажды проделаю исследование внушения, но пока я ограничиваю свой рассказ о мазыкском очищении тем, что мне гораздо понятнее, или тем, что, на мой взгляд, нужно исследовать в первую очередь. А именно очищением с помощью говорения и сходными способами.

Исповедание это имело не так уж много приемов – Душевную беседу и Зеркала. Да еще Исповедь Земле и любой другой стихии, существу, растению или вещи, которая способна быть связником с иными мирами. Например, листку бумаги, как это делается при ведении дневников. В сущности, это все исповедь с другим человеком и без него.

Сами приемы просты, но мне до сих пор далеко не все понятно в том, почему они вообще действуют. Почему действует очищающе само человеческое слово? И почему при-

сутствие другого человека, если он открыт душевно, исторгает из нас эти слова? Как и присутствие чего-то, что ты ощущаешь такой же душой?

То, что открытая душа вызывает желание открыться ей навстречу, как-то понятно даже моим порченным наукой мозгам. Но ведь я могу исповедоваться и иконе и дереву? Люди так делают, как вы видели в этнографической части моей книги. Что же такого есть в этой иконе и в этом дереве, что заставляет меня узнавать их похожими на открытую душу? Только мое воображение? Но что, в таком случае, я воображаю, глядя на них? Что я творю в образах, позволяющее боли и греху уходить из меня? Чем ЭТИ образы отличаются от бесконечного числа остальных образов моего сознания?

Вовсе не настаиваю на наличии в них чего-то мистического. Объяснение, возможно, вполне просто и даже укладывается в естественнонаучную картину мира. Да я и не против этого, важно лишь одно: почему оно до сих пор не найдено? И даже это лишь условно важно. В действительно важно лишь само объяснение и путь к себе, открывающийся за ним.

Человеческое слово способно очищать наше сознание, убирая из него какие-то его содержания. Это очевидно. Но как оно действует, не понять, если не понять, как устроены эти содержания.

Это значит, что для понимания кресения мне придется дать определение тому виду «нечистоты», в отношении ко-

торой действуют мазыкские способы очищения. Обобщенно, это та нечистота, что может содержаться в сознании и убираться словом. Это уже большая подсказка. Но без этого определения нам не продвинуться.

Вот так и определилось содержание этого раздела. Я буду заниматься в нем именно тем исследованием, которое описал в своих вопросах. А рассказ о мазыках получится попутно. Он не является для меня сейчас главным. Главное все-таки самопознание.

Раздел первый. Душевная беседа

Я начну рассказ о кресении с самого простого и привычного для всех нас – с душевной беседы. Мы все владеем этим искусством, хотя и плохо осознаем его. Это позволит мне сделать описание происходящего при душевной беседе очищения на всем знакомом материале, говоря научно.

Вообще-то, душевная беседа – это как воздух, то есть так обычно, что мы совсем не понимаем, что это такое, и редко кто может рассказать, как можно беседовать душевно. Просто попробуйте дать определение тому, что такое душевная беседа. Что у вас получится?

Нисколько не сомневаюсь, что главным в этом определении станет какая-то особая душевность, которую надо удерживать по отношению к другому человеку. Поскольку при этом никто не знает, что такое душевность, состояние это на деле окажется напряженным и вымученным – некой задушевностью. Когда речь идет о таких простых и одновременно изгнанных из нашей жизни понятиях, как душа и ее проявления, мы оказываемся удивительно неподготовленными и искусственными.

В действительности же душевной является любая беседа, после которой человек ощущает хоть какое-то облегчение или улучшение своего состояния. Когда старушки возле подъезда перемывают косточки соседям, они душевно бесе-

дуют и чувствуют себя явно лучше. И когда двое мужиков орут матом, поливая друг друга из души в душу, им тоже становится легче, когда они «проорутся», как это называет народ.

И вообще, счастье – это когда тебя понимают, как говорилось в старом советском фильме. Так и душевность – это примерно то же самое. Душевной является беседа, в которой человек всего лишь пытается тебя понять. Даже если он не в силах этого сделать, ты ощущаешь, что он душевен. Правда, настоящее облегчение придет лишь тогда, когда тебя поняли. Или ты сам что-то понял...

Душевным другом является тот, с кем можно поговорить обо всем, что только приходит тебе на ум. С другими можно говорить лишь избирательно, сдерживая часть душевных порывов. Но если у вас есть тот, кому можно вывалить все, что у вас на душе, вам очень повезло в жизни. И дружба с теми, кто не пытается тебя судить, а всего лишь старается понять, очень ценна.

В сущности, душевная беседа так же проста, как поглаживание матерью ушиба или просто головки ребенка. И при поглаживании, и при простой душевной беседе из нас уходит боль. В этом оба приема очищения или освобождения от боли схожи. Вопрос в том, как они действуют.

Про материнские поглаживания можно сказать, что это прием суггестии, то есть внушения. Или отвлечения внимания. К примеру: у ребенка ушиб, место ушиба болит, и по-

тому стягивает на себя внимание ребенка. Пока внимание направлено на боль, она осознается ярко и захватывает все сознание ребенка. В итоге он страдает и неуправляем. Он целиком боль.

Но мы дуем на это место, появляются новые ощущения – холодок на коже, – внимание переключается на то действие, которое совершает другой человек, к тому же происходит внутреннее осознание, что твое требование исполнено, о тебе заботятся, сознание отвлеклось от боли, и она уменьшилась. Точнее, уменьшилась сила восприятия боли, от чего кажется, что уменьшилась сама боль.

То же самое происходит и при поглаживании.

Очень правдоподобное объяснение. Правдоподобие его тем выше, что все описанное действительно работает. Вот только мы не знаем, как. И мы не знаем, что такое внимание. И не знаем, что такое боль.

Что, собственно говоря, болит? Тело? Место ушиба? Но уберем сознание – боль пропала. Без сознания боли нет. И стоит нам об этом задуматься, как мы медленно, но неизбежно приходим к мысли, что боль – это явление сознания. Это вообще не телесно, это нечто, что живет только в сознании.

И мы знаем людей, которые, осознав это, воспитывают в себе способность не чувствовать боли. Они прокалывают себе кожу и органы, пьют кислоту, ходят по огню. Куда делась боль?

Естественник может сказать что-то вроде: боль осталась,

просто произошли своеобразные разрывы в проводах, называемых нервами. Теперь нервы не передают сигналы о боли в мозг... Весьма уязвимое возражение. Возражение, которое держится только потому, что те, кто придерживается этого мнения, в действительности не исследователи и не задавали естественно рождающихся отсюда вопросов.

Например, таких: а как можно прервать подачу сигнала по нервам? Провода-то эти в действительности не разорваны. И мозг не поврежден. Далее. Просто примите, что человек – действительно биомеханическая машина. И попробуйте представить, что у этой машины один из сенсоров подаст сигнал о боли, которая в действительности не есть ощущение боли, а есть знак того, что какая-то часть этой машины подвергается разрушениям, и поэтому надо действовать, надо спасать себя. И как машина могла бы не слышать этот сигнал? И не отвечать?

Только если где-то в электрической цепи или в механике, реагирующей на сигнал, появились повреждения. Но они легко обнаруживаются обслуживающими машину механиками. Это значит, что будь человек механичен, при раскрытии в себе способности не чувствовать боль, он должен был бы произвести какое-то разрушение в своей механике. И механики должны были бы это обнаружить. Причем, обнаружить именно как механическое повреждение. Но таких повреждений нет! Нервы целы и не порваны!

Правда, на это можно возразить, что повреждение может

быть в программном обеспечении: с механикой все в порядке, но ты перепрограммировал свой компьютер так, что он сигнал «Боль! Надо спасать разрушающийся орган!» – воспринимает, но читает как: «Боль есть, но разрушения нет, делать ничего не надо». Или вообще: «Боли нет, получаю наслаждение».

И ведь такое действительно делается под гипнозом. Я сам во время службы в армии протыкал ребятам руки толстой иглой. Усыплял под гипнозом и протыкал, а потом будил и давал им полюбоваться собственным героизмом. Вот оно, доказательство, правда?

Но это лишь доказательство того, что суть – в сознании. И оно может прямо управлять и веществом и механикой, меняя их.

И еще вопрос: а почему при этом тело-то не разрушается? Если это всего лишь испорченное прочтение сигнала «Происходит разрушение!», то оттого, что ты его переиначишь, орган-то разрушаться не прекратит! А я сам ходил по углям и выводил на них множество людей. И ведь ожогов нет! Точнее, если настрой был верным, ожоги либо не возникают вообще, либо появляются точно и всегда в тех местах, которые как-то связаны с болезненностью какого-то из внутренних органов, что отчетливо осознается самим человеком.

Ступня в данном случае работает как некая зона Захарьина – Геда. Она позволяет диагностировать, что происходит в теле. Но не разрушается!

А это невозможно, если бы связи были механическими, а тело – машиной.

Тело, быть может, и можно уподоблять машине в каких-то отношениях. Но мы очень плохо знаем, что такое тело. И мы сильно ограничиваем себя в возможности понимания его, придерживаясь лишь жестких механических описаний. Тело сложнее. Однажды это станет очевидностью и для науки.

А пока я позволю себе некоторые предположения, которые вовсе не надо считать сокровенным знанием и принимать на веру.

Вот мать гладит ребенка, который ушибся, и из места ушиба уходит боль. Гладит ли она его только телом? Или она ему и душой сочувствует? Ответ очевиден. При этом лечении боли происходит и душевное воздействие, и телесное касание. Но можно говорить и о взаимодействии сознаний.

Мы не знаем, что такое боль. Но это определено и явление сознания.

И вот боль начинает уходить. Что происходит? Просто затухает очаг возбуждения в коре головного мозга? Или же из места, где произошел ушиб, извлекается нечто, вроде «вещества боли»? Например, знание о том, что это место разрушается? Мы можем твердо придерживаться теории возбуждений, но не можем уверенно отрицать и второго предположения, хотя бы потому, что его никто не проверял.

И я не буду утверждать, что оно единственно верно. Тем более, что «знание» весьма отличается от «вещества боли».

Я даже пока не представляю, как их объединить в какое-то понятие, хотя это и необходимо, потому что народ уже сделал это, назвав единым именем «боль».

Но если просто продолжить предположение о некой вещественности боли, то можно ли найти объяснения тому, как она убирается материнским прикосновением? Это при том, что работает и отвлечение внимания, которое снижает уровень боли, но не убирает ее полностью. Вот об этом предположительном остатке и идет речь.

Итак, куда может уходить та часть боли, которая присутствовала «знанием боли» или «знанием разрушения» в месте ушиба? Она и давала сигнал в мозг, чтобы запустить спасительные действия. Но потом разрушение сохраняется, а действовать больше не надо, боль затихла. И ушла. Куда?

Если у нее есть некая, пусть самая условная «вещественность», то при прикосновении руки другого человека она ушла в эту руку. Точнее, в другое тело, как некое пространство или объем, способный вмещать в себя содержания. Ясно, что это объем не совсем телесный. Он одновременно и объем сознания или объем того условного «вещества», к которому принадлежит и боль.

С народной точки зрения, тело, такое вещественное и плотное, выглядит пустой оболочкой, внутри которой живут Боли, Болезни, Лихорадки, Духи и прочие «содержания сознания». И это не такая уж метафора или условность языка.

Боль от ушиба ощущается «живущей» в той части тела,

где ушиб. Боль от болезни «живет» в том органе, который болит, боль душевная – там, где живет Душа...

Пусть все сказанное мною – лишь предположение, гипотеза, но понять, что такое Душевная беседа, можно, лишь допустив ее как некое исходное видение того, как же устроен человек, видение, бывшее основой народного мировоззрения, что я и постарался показать в первой части книги.

Слой первый. Душа звучит

О такой простой и привычной вещи, как душевная беседа, очень трудно рассказывать. Большинство из нас даже уверено, что в жизни нам очень редко удастся поговорить с кем-нибудь душевно. Душевного собеседника очень трудно встретить.

Но это неверное суждение, точнее, суждение, относительно верное, допускающее уточнение. Уточнение такое: очень трудно встретить человека, который бы полностью соответствовал моему представлению о душевности. Это значит, что, когда мы говорим, что душевная беседа почти перевелась в этом мире, мы хотим сказать, что у нас есть некое идеальное представление о том, какой должна быть душевная беседа. И очень редко кто сейчас дотягивает до этого идеала.

Но это же самое означает и то, что при этом мы с очень многими людьми беседуем душевно, но не идеально душевно, не полностью душевно, почему и имеем мнение об отсутствии душевности. Как ни странно, именно оно и есть свидетельство того, что мы прекрасно знаем, что такое душевность.

Душевность – явление количественное, и может быть большей или меньшей. Язык легко это принимает. Значит, мы можем при исследовании понятия о душевной беседе исходить именно из этой действительности, а не из наших иде-

альных представлений.

Иными словами, жизнь полна душевных бесед, но мы все мечтаем о большем.

Скажу более: если у тебя есть душа, то она постоянно есть. И ты ни одной беседы не можешь вести от нее в тайне или в отдалении. Так или иначе душа присутствует во всем, что мы делаем. Следовательно, говоря о душевной беседе или о разговоре по душам, мы говорим о каком-то особом качестве, которое добавляем к обычному разговору вполне осознанно. И вывод из этого таков: мы знаем, как это делать. Мы владеем душевной беседой изначально, как данностью нашего существования.

Глава 1. Чужая душа потемки

В этой главе я воспользуюсь теми выражениями, которые собрал Даль. Можно брать шире, но и этих выражений для русского человека будет вполне достаточно. Без такого сужения разговор грозит перерасти в бесконечный.

В качестве исходного я возьму выражение: Душа с душой беседует. Я не знаю, какой в точности смысл вкладывался народом в это высказывание. Но оно определенно отразило простое наблюдение, подтвержденное множеством глаз: какой-то вид общения отличается от простого разговора и может быть назван только общением душ. Для меня лично это означает, что наблюдательный человек при этом видит

нечто, что отличается от тела человека и может быть им названо только душой.

Впрочем, никакой особенной наблюдательности не требуется, достаточно той, что мы естественно обладаем. Нужно лишь застать души беседующими, и вы все увидите.

Выражение «душа с душой беседует», возможно, несколько отличается по внутреннему смыслу от выражения «душевная беседа». Но оно стоит у Даля вслед за выражением: Душа душу знает, сердцу весть подает. В таком сочетании эти две сохраненные Далем поговорки приближаются к понятию Душевной беседы мазыков. Душа каким-то образом узнает душевные проявления другого человека. Мы всегда в состоянии понять, что другой душевен с нами, будто наши души или сердца действительно подают какие-то вести друг другу помимо наших умов.

При этом мы все знаем: Чужая душа потемки. Человека видим, а души (ума, то есть что на уме) не видим.

Что это значит, понятно. Это отнюдь не отрицание возможности видеть душу. Это всего лишь наблюдение, свидетельствующее: кто захочет, может спрятать свою душу так, что до нее не добраться и к ней не обратиться. Зачем и почему?

Не иначе, как потому, что обращение к душе делает другого человека управляемым. Очень трудно отказать тому, кто сумел достучаться до твоей души, и трудно его убить или обмануть, если он затронул твою душу. Чтобы выживать в

мире лжи, надо уметь защищать душу слоями мути, почему и появляется эта тьма...

Но выражение «чужая душа потемки» глубже, чем простое признание, что ты не можешь рассмотреть чужую душу при разговоре, не можешь вызвать ее отклик. Оно означает и то, что ты не можешь быть уверен, как поступит другой, даже если ты поговорил с ним душевно. В душевной беседе он покажет тебе, как и что лежит у него на душе, ты емуверишь, будешь ожидать того, что он тебе пообещал, а он вдруг предаст. Почему? Чужая душа потемки!

На самом деле, с точки зрения душеведения, объяснение просто. Во время душевной беседы человек был искренен. Но уйдя, он снова вернулся в то мышление, в котором живет обычно. И оно сказало ему: поступать по душе – невыгодно! Выгоднее обмануть. И он обманул. Как это произошло, можно описать, но это, в общем-то, просто, хотя и путано. Поэтому я оставляю это до разговора о мышлении.

Гораздо важнее другое – это наличие решения жить либо по душе, либо обманом и ложью. Жить по душе труднее, поэтому обман оправдан задачей выживания. Но это в быту. И это не мое дело.

Мое дело – самопознание, и здесь он никак не оправдан, он просто глуп. Потому что самопознание нужно лишь тебе. Иными словами, самопознание, как вид прикладной философии, занимается «идеальными сущностями», то есть просто понятиями, как они есть. И если существует понятие

«душевность», мы должны рассматривать его как таковое. А не частичную душевность, потому что понятие «частичная душевность» мы тоже должны рассматривать, и тоже как таковое. Как и понятие «недушевность».

Это в быту, в прикладной психологической работе мы можем сказать клиенту: вы же понимаете, люди всегда немножко душевны, а немножко врут... Но при создании исходной теории, то есть при обретении понимания собственного предмета мы должны разложить всё большое понятие на его составные части и исследовать каждую в отдельности: и что такое «душевны», и что такое «немножко душевны», и что такое «немножко врут».

В языке выражение «немножко врут» вообще возможно, только если существует понятие о том, что такое «врать», и о том, относительно чего производят это действие. Мы можем распознать ложь или недушевность только относительно «душевности» или «неложности». И неважно, что такое в действительности Истина. Важно лишь то, что ты говоришь о лжи, сличая то, что воспринимаешь, с неким своим понятием о «нелжи». На уровне прикладной психологической работы этого достаточно, поскольку означает, что у нас всех естественно есть средство знать Истину.

И народ явно имел исходное понятие «душевности», точнее даже, «душевной беседы», относительно которой оценивал поведение людей, которые: кривили душой и брали грех

на душу.

Брать грех на душу на деле оказывается частным случаем выражения: Взять что на душу, на совесть; принять в чем-либо клятву, присягу, ручаться. Кривить же душой тоже относится к понятию «совесть»: Покривить душой, поступить против совести. Покривил ты душой. Не пожалел ты души своей!

В этом, безусловно, ощущается присутствие христианского отношения к душе и совести. Но кажется мне, не только его. Ведь народ передал здесь христианские понятия русскими словами, значит, они уже существовали и несли то же самое значение. Христианство лишь добавило к нему понимание, что душу можно погубить «кривизной», и за это заплатить потерей надежды на рай. Кривя душой, ты обрекаешь душу на вечные муки.

Так ли это, я не знаю. Это надо принимать на веру. Но определенно видно, что «кривить душой» можно, и этому препятствует совесть. Совесть оказывается и свидетелем любых действий, которые ты совершаешь со своей душой, и даже некой силой, сопротивляющейся им. Ведь мы все знаем, что совесть мучает и терзает укорами. Что такое укоры совести, стоило бы исследовать особо. Но это явно некое болезненное действие, которое совершает совесть.

Но кто такая Совесть? Это сущность, живущая во мне или даже вне меня? Или же это часть меня, ведь мы же говорим: моя совесть. Моей может быть и собака, и машина. И мой

друг может попрекать меня. Так что Совесть вполне может быть чем-то внешним. Но я больше склоняюсь к естественным объяснениям, и для меня совесть – лишь определенное состояние души, которой неуютно от того, что мы делаем. А именно оттого, что мы ее кривим. Но не существо, вроде Эриний или Лихорадок.

Пока я исхожу из того, что совесть – это болезненные ощущения души оттого, что мы заставили ее потерять естественное состояние.

Это может быть и неверно, но это позволяет понять, что является тем исходным понятием о «душевности» или «нелживости» и что является отклонениями от него. Душевность – это такое состояние души, в котором она пребывает естественно, без нашего на нее давления.

На деле это всегда связано с искренностью: Рад душой, искренно, сердечно.

Искренни мы естественно, а для нарушения искренности и душевности нужно оказать на душу давление. Похоже, мы именно так можем воздействовать на душу. Во всяком случае, народные наблюдения говорят именно о грузе, который мы на нее берем, о тяжести или камнях, которые лежат на душе и давят ее: У меня дело это на душе лежит, совесть упрекает или забота не дает покою. Это на твоей душе, ты виноват, дашь за это Богу ответ. Это мне на душу легло. Что-то на душе тяжело.

Однако, это не все действия, которые мы можем с нею совершать: Вертеть душою, отлыгаться. Затаить что в душе, держать в тайне. Он так и вьется, так и лезет в душу, льстит, обольщает. И при этом: В чужую душу не влезешь.

Душой можно вертеть, в ней можно что-то затаивать и в нее можно влезать.

Влезать в душу – это как раз то, о чем мы говорили как о возможности достучаться до чужой души. Иначе говоря, это не означает действительного «влезания внутрь души», это всего лишь способ обратиться к тому в тебе, что сделает тебя управляемым, хотя бы откровенным, и позволит вызнать у тебя нечто сокровенное или добиться чего-то.

Вертеть душою – тоже вовсе не обязательно является наблюдением над самой душой. Скорее всего, речь идет о самом обычном вранье, почему и сказано: отлыгаться. Вертят при этом не душой, а словами, одновременно торгуя собственной совестью, так сказать. Иначе говоря, ты сначала говоришь одно, и как бы ручаешься за это, присягаешь, то есть берешь на душу. А потом вдруг говоришь противоположное, и начинаешь присягать и в этом. Но душа не может быть сразу в двух местах, по крайней мере, ее надо для этого сильно искривить, согнуть в дугу. Но если ты проделываешь такое упражнение многократно, складывается впечатление, что ты весь извертелся.

В действительности, ты всего лишь создавал противоречивые образы. Но что происходило при этом с твоей душой?

Как она вела себя относительно этих образов? Вопрос пока без ответа. Это надо исследовать. Без исследования невозможно определить, в каком отношении находится то, что мы называем сейчас душой, к тому, что называем образами. Но ясно то, что с душой ложь связана так же, как и совесть. Она на нее воздействует, заставляя искривляться и терять естественность. И это видно и твоему внутреннему свидетелю – совести, и свидетелям внешним, другим душам, поскольку душа душу знает...

В сущности, этих примеров достаточно для того, чтобы было ясно, что через понятие «душевной кривизны» русский народ описывал то, как на душу берется груз. И поскольку тот же народ говорил: не бери грех на душу, облегчи душу, покайся, – мы вполне можем говорить о том, что грех – это груз кривизны, она же есть душевная нечистота. Нечистота – как обозначение того, от чего надо освобождаться. Собственно говоря, это же звучит в выражении: Грязная душонка.

Для самопознания это означает, что мы можем как принимать подобную нечистоту на душу, так и убирать ее. Это присутствует в народных описаниях состояний души: На душе легко, тяжело, спокоен и весел; озабочен и грустен. У меня душа не на месте, боюсь, тревожусь. Отвести на чем душу, отдохнуть, утешиться чем-нибудь.

Иными словами, мы вполне можем менять состояние своей души, она доступна нашему воздействию. И значит, ее

очищение возможно.

Вопрос только, как это сделать?

Ответ общеизвестен, он множество раз звучал в ушах любого русского человека: Расскажи, облегчи душу. Покайся, не носи груз на душе. Не томи душу, рассказывай!

Каким-то неведомым нам пока образом мы ощущаем томление души, которая носит тяжесть, которую можно воплотить в слова, и с ними она уходит! Как происходит это чудо, я пока не знаю, но оно просто и привычно настолько, что мы даже разучились ему удивляться, как материнскому поглаживанию. Поэтому и не исследуем, наверное.

Глава 2. Кривизна души

Народ говорит, что душа может быть грязной, может быть черной или порочной. Также можно принять выражение «больная душа», во всяком случае, это верное выражение, раз есть «душевные болезни». Не в психиатрическом, а в народном смысле, конечно.

Однако, если начинаешь смотреть, что же означает каждое из этих выражений, то приходишь к ощущению, что сама по себе душа остается все той же, но на нее словно бы наваливается что-то снаружи, что и придает ей некую кривизну. Чаще всего, мы сами оказываем на нее давление, вынуждая покривиться.

При этом у меня лично остается ощущение, что душа кри-

вится не как палка или плоскость, она, скорее, комкается, сминается. Но при этом она – некое тело, и мятой оказывается лишь ее поверхность. Для меня это означает, что искривлений на душе может быть множество, как извилин на мозге. Они-то и рождают бесконечное разнообразие странностей нашего мышления.

То, что эти «искривления» поверхностны, и подобны морщинам, для меня следует именно из описания способа, каким душа ощущает воздействие на себя – давления. Давят снаружи. Даже когда мы говорим о том, что пища давит на стенки желудка, распирая его, пища внутри желудка, но снаружи относительно его стенок. И хотя и есть выражения, говорящие о возможности залезть в душу, я вовсе не уверен, что они описывают именно проникновение в душу, как тело. Мне кажется, как я постарался показать это в предыдущей главе, что в них речь идет о проникновении сквозь мышление к самой душе.

Но как все это возможно?

Мазыки говорили, что и душа, и сознание наши подобны пару. То есть тонкоматериальной среде, которую можно видеть, как виден горячий воздух над огнем. И к которой можно прикоснуться, оказать воздействие. И я много лет показывал работы, в которых осуществлял это, и учил тому, как видеть эти среды и оказывать на них воздействие. Все это описано мною в других книгах, и всему этому мы обучаем в Академии Самопознания.

Выглядит это для стороннего человека как боевое искусство высокого уровня, но на самом деле является не более, чем способом почувствовать, что ты есть не только тело. То есть познанием себя за рамками анатомии и физиологии.

Вслед за стариками, когда я обучаю Накату, то есть воздействию на расстоянии, я говорю о том, что это возможность познать себя как душу, потому что воздействие без телесного прикосновения может передавать только она. Но это лишь прямая передача: как учили, так и говорю. А что в действительности?

Я описывал, как действует Накат. Человек делает взмах рукой на расстоянии, а у тебя либо вышибает ноги, и ты бьешься об землю, либо тебя мягко начинает тащить куда-то, крутить, вести... Это зависит от того, какой вид Наката был применен.

Но это не важно, важно другое: что оказывало воздействие и что его передавало. Ведь не дуновением же воздуха тебя свалило с ног? И не в тело же это дуновение давило?

Самое естественное объяснение возможности подобно-го «бесконтактного» воздействия для меня таково. Человек сложнее, чем описывает естественная наука. У него есть душа, и есть ее продолжение в пространстве в виде тонкоматериальных сред, разливающихся вокруг. Эту «гипотезу» я проверял в своих исследованиях, начиная с «Введения в общую культурно-историческую психологию», и пока не нашел в ней противоречий.

Душа имеет какую-то условную «вещественность», о чем говорили еще русские святые Феофан Затворник и Игнатий Брянчанинов, почему и может рассматриваться как своеобразное тело. Вещественность эта, вероятно, не больше, чем полевая, как говорят современные физики. Но она есть.

И она единой природы с теми средами, которые разлиты вокруг человека. Именно поэтому душа может передать свое движение в эту среду, а через нее оказать воздействие на другую душу. Это возможно просто потому, что души есть, они не абстракции и не нечто, что настолько не от мира сего, что в этом мире они лишь условный способ говорить о психических процессах.

Но душа, если мы вспомним самые исходные ее определения, – это то, что привносит в наши тела жизнь и движение. Вот это важно: если в нашем теле, если вообще в теле рождается собственное движение, то только тогда, когда это тело одушевлено! Движение – это способность одушевленных тел!

Все остальные тела только перемещаются под воздействием тех или иных физических сил. Наше тело, кстати, тоже довольно часто не движется, а лишь перемещается, как сгусток атомов...

Что же делает одна душа, когда передает воздействие на другую и тем вызывает ее движение? Она тоже оказывает давление!

При Накате ты просто давишь волной той тонкоматери-

альной среды, через которую оказываешь воздействие, на душу или другие составы человека. И ты либо вызываешь у его души желание заставить двигаться собственное тело, либо прямо своей душой начинаешь управлять тем составом, той средой у другого человека, которая передает движение от души к телу.

Когда я говорю о душе или других составах, я хочу этим показать, что человек еще сложнее, чем я только что нарисовал. Мазыки считали, что у него было несколько душ.

Живая или животная душа, она же – Жива, обеспечивала выживание тела. Как считалось, ребенок в утробе матери уже обладает ею. Она передается ему от матери, как зародыш в виде кусочка ее Живы. Душа же входит в тело младенца с его первым криком.

При этом вокруг Живы и вокруг Души разливаются их среды. Вокруг живы – пара. Вокруг души – сознание. Пара и сознание, как я понимаю, очень схожи, из них, как из некоего вещества, создаются образы, и в них они хранятся, создавая слои разума и мышления. Там же могут находиться и инородные вкрапления, от которых и очищало кресение.

Мой дед, который, как и я, немало занимался изучением всех этих мазыкских знаний, писал о том, что у человека три души, живущие в трех ядрах сознания. Соответственно, у него и три вида тех сред, в которых могут существовать содержания. Эти ядра он называл вслед за русскими сказками тремя царствами: Медным, Серебряным и Золотым. В Мед-

ном, находящемся в груди, правит Дева Обида, в Серебряном, которое в животе – Дева Боль, а Золотом – София Премудрость Божия.

Я не буду рассматривать эту мифологию. За ней определено что-то есть, поскольку в сказках отразилось видение народом устройства мира. Но те живые мазыки, с кем мне удалось общаться, при всем их уважении к моему деду, ничего такого мне не рассказывали. Они были гораздо проще и больше учили тому, как делать кресение и другие вещи, чем мифологии. Возможно, раньше подобная мифология у мазыков действительно была, и дед записал ее. Но доказать я это не могу, а выставлять его выдумщиком не хочу. Поэтому я просто не буду пока рассматривать мазыкскую мифологию человека и очищения.

Я даже не буду пока говорить о живе.

Да мне сейчас и важнее то, что душа оказывается как бы неким ядром, имеющим продолжение или истекающим, как источник света, изнутри наружу. Истекая, она творит вокруг себя объем того, в чем могут создаваться образы и что, тем самым, оказывается пространством для их жизни.

Но это же значит, что образы как бы лежат на поверхности души и в каком-то смысле давят на ее тело.

Вот при таком способе видения можно понять, как возможно искривление души, и можно поставить вопрос о том, как же от него освободиться.

Глава 3. Давление образов

Люди – охотники за обра́зами, говорили мазыки. Но что такое образ?

Если мы говорим о содержании сознания, то это явно не «внешний вид, облик». Скорее, это «то, что рисуется, представляется внутреннему взору, воображению». Или – «результат отражательной (познавательной) деятельности субъекта, отражение в сознании предметов, явлений объективной действительности».

Последнее определение «Словарь русского языка» заимствовал из философии, точнее, из политической философии советской поры. Поэтому в нем больше скрыто, чем раскрыто. Например, что такое «субъект»? Наверное, это я. Но так не сказали, и это не случайно, потому что, стоит сказать это все про себя, как станет невозможно обманывать себя словами, вроде «результат». А что такое результат?

Такая ложь для отведения глаз воспринимается допустимой лишь в объективной науке, изображающей из себя нечто подобное математике. А вот в живом человеке результатов просто не может быть, в нем может быть съеденная пища, воспоминания, образы... Но это уж слишком явно заводит нас в осужденную естествознанием психологию сознания, а от нее всего один шаг до души. Вот и врут ученые о каких-то «явлениях объективной действительности».

А что мы в действительности имеем в итоге «познавательной деятельности»? Попросту говоря, если я понял что-то, то в виде чего сохранится мое понимание? Или если запомнил нечто, то как будет храниться воспоминание?

Вот тут все очевидно: в виде образов тех вещей или явлений, которые я изучал или видел. Так сказать, познавал.

Но что такое образы?

В самом кратком виде, их можно определить как воспоминания. Но это совсем не определение. На иностранном языке можно было бы сказать, что это «копии явлений действительности», но исполненные в сознании. Но в русском языке нет слова «копия», что не значит, что нет и соответствующего понятия. Но как можно было бы по-русски передать значение слова «копия»?

Обычно, если русский делает что-то в точности таким же, то говорит: я повторил эту вещь. Но это значит, он просто сделал ее же, еще раз.

Если мы делаем «копию» явления действительности в своем сознании, то из чего мы ее делаем?

Даже не пытайтесь найти ответы в психологии или философии. На этом вопросе они сломались. Психологи пытались утверждать, что «энграмма», то есть отпечаток, который и хранит в себе воспоминание, содержится в связях нейронов или в глии, то есть околонейронной жидкости в виде сложных молекулярных связей. Это надуманное объяснение, если попытаться его себе представить, означает, что у тебя в

мозге на каждое воспоминание, которое ты можешь вытащить из памяти и рассматривать умственным взором, в веществе есть такая же картина из молекул.

Очевидно, ее-то ты и рассматриваешь при воспоминании.

Как при этом можно рассматривать окровавленные нейроны, а видеть звездное небо или лицо любимой, не объясняется. Очевидно, потому, что мы же и сами умные, раз такие вопросы задаем, и должны хоть что-то делать сами – не все же разжеванным в рот получать!

Сам я могу предположить, что какая-то подобная основа воспоминаний в мозге действительно существует, создаваясь как привычные пути движения сознания из нейронных связей. Но этот способ действенен лишь для запоминания постоянно повторяющихся образов действий, которые, к тому же, могут быть «перекодированы на очень высоком уровне символизма». Как сигнал компьютера.

Это значит, что запомнить «в железе» можно лишь то, что «алгоритмизируется», то есть представляет из себя своего рода формулу действия. И в ней ты не видишь окружающего мира, в ней ты видишь то, как надо действовать. Что-то вроде: Бьют – беги, дают – бери. Да и то лишь на уровне некоего давления, подсказывающего направление ответного действия.

Если же мы допустим, что и остальная наша память хранится в нейронных связях, то нам придется допустить, что мы имеем не только эти «кроваво-мясные» образы, но и ка-

кого-то «переводчика», который помнит, что они значат, и который за нас и видит не связки нейронов, а те воспоминания, которые были в действительности.

Но тогда все еще более запутывается, потому что тут нам придется искать и переводчика, и все те же воспоминания. Ведь собственно образные видения тоже должны где-то храниться, чтобы мы могли их одеть, как внешний вид, на пучки нейронов.

Можно сказать и то, что образы не хранятся, они вызываются в мозге при раздражении соответствующих участков то ли коры, то ли серого вещества. То есть образов, как мы их видим, вообще нет. А есть некие вспышки, которые вызывают как раз пучки нейронных энграмм, и вспышки эти и складываются в картины.

Но вот вопрос: почему они складываются именно в те картины, которые мы видим снаружи? И на это есть ответ: а снаружи тоже нет никаких картин, а есть раздражения глазных рецепторов, которые перекодируются в нервный импульс, а он уж и вызывает в соответствующих частях мозга цветовые вспышки, складывающиеся в картины...

При восприятии повторяющихся явлений действительности картина восприятия раз за разом повторяется, почему мы и привыкаем видеть ее так, а не иначе. Она-то и воспринимается нами как образ. И ничто не мешает нам вызывать в памяти тот же набор цветовых вспышек, получая импульсы не из окружающего мира, а из мира воображаемого, или из

мира мозгового вещества...

Очень, очень возможная вещь.

Меня лишь смущает объем памяти, который бы потребовался для работы такого биокомпьютера. От просчетов того, сколько «весит» каждая из тех картинок, что живут в нашем сознании, и как это сопоставимо с возможностями мозга, ученые уходят. А те попытки, что делались это обсчитать на заре компьютерного века, сейчас выглядят смешными, потому что показывают, что естественники тогда совсем не понимали, что требуется компьютеру для того, чтобы воспроизводить всего лишь трехмерные зрительные образы...

Я привел последовательность доводов, которые можно высказать в пользу физиологического представления о сознании. Они могут выглядеть для кого-то убедительно, но если мы приглядимся, то это всего лишь попытка пройти одним предположением до его полного логического исчерпания. И это правильный способ рассуждать и исследовать.

Вот только не надо превращать его в догму и тем закрывать себе возможность проходить точно так же и другими возможными путями, рождающимися из иных предположений. На других путях тоже все логично и доказательно.

В общем, я считаю, что какое-то запоминание происходит и в мозге. Но в основном память хранится в сознании. Правда, мазыки считали, что тело – это створожившееся сознание. И если это так, то не только естественно, а даже необходимо, чтобы мозг что-то запоминал, если память вообще

свойство сознания. И мы знаем, что запоминает и тело. Все шрамы и даже пролежни или просто вмятины или рубцы от давления – это виды телесной памяти. Как и привычные искривления позвоночника, мозоли, утолщения костей...

Мозг определенно обладает памятью, но это не означает, что он ее монополист. В живом человеке помнит все, все хранит следы взаимодействий с миром. Но когда я говорю о кресении, меня интересует та память, которая хранит нечистоту и помехи жизни. И пока я называю ее памятью сознания, понимая сознание предельно широко.

Итак, что же такое образы сознания, если в русском языке нет собственного слова «копия»?

Образы – это те же вещи, которые они повторяют, только выполненные в другом веществе. Собственно говоря, в веществе сознания.

Вещество сознания или пары – настолько тонкое, что мы не чувствуем его телесно. И конечно, нас нисколько не тронет, если в нас кинут камнем из пары. Но это не значит, что этот камень также не почувствует и душа. Если их вещественность сопоставима, камень из сознания должен ощущаться душой, как тяжесть. Ею он и ощущается!

Вот как происходит искривление души. На нее давят образы, то есть вещи этого мира, выполненные из вещества того мира, в котором предназначено жить душе.

И вовсе не случайно духовидцы описывают души в образе людей. Душа, как говорят нам свидетельства, может прини-

мать любые обличья. Но часто она сохраняет образ тела. И тогда к ней применимы все те действия, которые применимы к телу. Соответственно, работают и все те понятия, которые действены в отношении тела. Как действены в отношении его камни, если их наваливать на тело.

Камни сознания все же совсем не те же камни. И чтобы от них освободиться, наверняка надо сделать нечто подобное тому, что мы делаем, когда создаем образы. Точнее, нечто обратное. Но определено одно: как мы их творим, так можем и растворять.

Но творение образов настолько естественная наша способность, что мы совсем не в состоянии осознать ее. Мы просто не успеваем видеть, как творим образы. К тому же, создание образов нужно для того, чтобы выжить. Поэтому разуму некогда раздваиваться и созерцать то, как он их творит. Ему надо успеть создать образ нового как можно быстрее, чтобы, не дай бог, не проморгать опасность для нашей жизни. Поэтому мы все время оказываемся в состоянии вспоминающего творение, а не наблюдающего его.

И все же мы определенно знаем, как творить образы и как творить все те вещи окружающего мира из вещества сознания. Это дает основания считать, что мы точно так же знаем, как их и растворять. Но не можем это вывести на осознаваемый уровень.

Вот поэтому человечество придумало вспомогательные приемы. Народ явно исходил из предположения: раз вещи

мира сознания, которые давят мою душу, в сущности, есть лишь повторения вещей этого мира, значит, к ним применимы те же приемы уничтожения, что и к этим вещам.

А как можно уничтожить нечто в этом мире? Его можно сжечь, утопить, смыть, сдуть, выкинуть, отдать другому...

Вот это и стало приемами очищения сознания.

Но самое главное и любопытное в том, что эти приемы действительно работают. Надо только очень искренне, можно сказать, всецело захотеть уничтожить некую вещь здесь, и душа наша растворит ее образ там.

Даже если работают и все остальные способы народного колдовства, вроде пускания колдовского дара с веника на воду, безусловно, работает и простой способ растворения любых других содержаний сознания прямым усилием растворения. Точнее, усилием обратным творению...

К сожалению, я пока не могу ни объяснить этого, ни даже описать точнее.

Глава 4. Причем тут речь?

Итак, нечистота может жить на теле, может жить в теле, и может жить в сознании. Тело представляет из себя некий объем вещественного пространства, кажущийся плотным на первый взгляд, но в действительности являющийся вполне пронизываемым как для веществ, так и для существ. И множество разных существ живет в человеческом теле, являясь

для него нечистотой.

Сознание тоже является объемом пространства, обладающего иной вещественностью. Оно относительно больше телесного пространства и тоже пронизуемо для нечистот и паразитов. Но паразиты тела сами телесны.

А паразиты сознания – духовны. В действительности, они тоже обладают телами, только иной вещественности, близкой к вещественности сознания во всех его разновидностях.

Вот так видит это народ, если исходить из этнографии очищения.

При этом мы можем воздействовать на тело, прямо надавливая на составляющие его органы, к примеру, руками. Что мы при этом достигаем? Телесные органы развиваются, чтобы обслуживать наше жизнеобеспечение, жизнеобеспечение тела. Значит, воздействуя на них, мы воздействуем и на то, как протекает жизнеобеспечение тела. Оно либо ухудшается, либо улучшается от этого. Иногда мы можем это видеть сразу, как при правке вывихов или позвоночника, к примеру. Иногда улучшения не очевидны. Например, при запоре кишечника от разминания сразу может быть и хуже, но если через какое-то время приходит облегчение, значит, наши действия все же способствовали улучшению жизнеобеспечения.

А можно ли нечто подобное рассмотреть в сознании? Есть ли в нем органы и можно ли на них воздействовать?

Если считать, что сознание – это электрическая актив-

ность мозга, то на сознание вообще воздействовать нельзя. Надо воздействовать на мозг.

Но если сознание – это тонкоматериальная среда, в которой хранится память, которую мы накапливаем за жизнь, то память эта определенно должна иметь отношение к жизнеобеспечению. И следовательно, любые приспособления для улучшения ее использования можно считать органами жизнеобеспечения.

Существует ли у нашей памяти хоть какое-то устройство? Безусловно. Уже одно существование «метода свободных ассоциаций» в психоанализе и сходных с ним психотерапевтических школах показывает, что воспоминания как-то связываются между собой в сознании, и связываются по сходству черт. Значит, между воспоминаниями есть связи и нечто должно их осуществлять. Вспоминая, как мы обучаемся в школе или университете, мы вынуждены однозначно признать, что мы умеем пользоваться этой способностью сознания создавать связи между воспоминаниями, и выкладываем свою память в соответствии с определенными образами, закрепляя этими связями.

В итоге мы не только вытягиваем нужные нам знания в той последовательности, в которой они давались в учебном курсе, но и начинаем видеть мир через определенный образ, который лежит в основе этой последовательности. Это бесспорный знак того, что сознание хранит образы не наваленными беспорядочной кучей, а постоянно раскладывает их в

соответствии с Образом мира. Образ же мира строится «по образу и подобию» мира, в котором нам предстоит выживать. Что очень естественно и оправданно.

И мы все знаем, что не думали о его создании, Образ мира рождается у каждого человека, и рождается произвольно и обязательно. Это означает, что сознание как бы изначально готово к наличию такого органа, но вызревает он постепенно, как постепенно развиваются из мышц младенца мускулы атлета.

При этом Образ мира может меняться у нас, и если мы сначала собираем его произвольно, то можем перейти на то, чтобы осознанно видеть мир религиозно или естественнонаучно. И это означает, что внутри Образа мира могут существовать приспособления, позволяющие нам видеть мир тем или иным способом. Они называются мировоззрениями.

Мировоззрение имеет в рамках общего хранения знаний или памяти о мире возможность создать свое орудие отношения к миру, для чего выбирается одна большая цель, которая становится, условно говоря, некой вершиной, с которой ты и смотришь теперь на мир. А ради достижения этой цели и вершины ты отбираешь из бесчисленного объема имеющихся образов только те, которые тебе полезны для движения. И создаешь из них орудия достижения своей цели.

Так рождается орган-мировоззрение, и органы-орудия достижения целей.

В итоге этого все сознание оказывается разбито на связки

образов, в сущности, органы, увязанные в единое тело мировоззрения. Правда, при этом мировоззрения меняют друг друга. Иногда по нашей воле, иногда по мере нашего взросления. И старые тела-мировоззрения остаются внутри нашего сознания, точнее, внутри общего Образа мира. Мы даже можем их снова использовать, если захотим.

Да и Образы мира растут, как бы слой за слоем, вызревая как древесные слои. Сознание, исходно чистое или пустое, заполняется по мере жизни этими слоями образов. Мазыки называли их лопотью. Лопоть – это одежда.

И слои сознания, нарастающие по мере жизни, похожи на капусту, про которую народная загадка говорит: тысяча одежек и все без застежек. Вот так и видится наше сознание состоящим из тысяч одежек.

Но что из себя представляет капустный лист, если к нему приглядеться? Первое впечатление, что это большая плоскость растительного вещества. Но при разглядывании ты понимаешь, что в ней есть прожилки, то есть устройство. А если задумываешься, то понимаешь, что лист капусты – это веточка, на которой растут листочки. Только эти листочки срослись в плоскость.

Но если капустный лист – это веточка, то у нее должен быть ствол и должен быть корень, которым она крепится к своему источнику. А к чему крепится ветка? К стволу, называемому кочерыжка. Из нее все и растет.

Вот, примерно, так и рассматривали мазыки сознание по

отношению к душе. Все органы сознания растут из души, и имеют в ней места прикрепления. При этом душа, чтобы иметь возможность управлять телом и передавать ему движение, имеет такие же ветви, вросшие и в него. Места входа души в тело называются Стогны. Они явно связаны с мозгом – спинным и головным – и суть их в передаче воздействия органам, непосредственно управляющим телом.

Именно потребность передачи воздействия на грубо-материальное, вещественное тело и рождает необходимость в нескольких тонкоматериальных средах и нескольких душах. Душа, собственного говоря, одна. Когда ты выходишь из тела, ты един, и ты все тот же. Но, воплощаясь в тело, ты воплощаешься, чтобы жить в нем. А это возможно лишь в том случае, если ты обретишь способность им управлять, для чего необходимо уметь передавать воздействие на его органы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.